

17742

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

37.60.1.264e

МОРОЗОВСКАЯ
СТАЧКА 7-13 (19-25)
ЯНВАРЯ 85 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Д. Б. Рязанова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

1923

Арт IV - 6531 а

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

7—13 (19—25) января 1885 г.

Из фондов Российской национальной библиотеки

37.60.1.264a

37.60.1.264a

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Д. Б. РЯЗАНОВА.

26/75

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

7—13 (19—25) января 1885 г.

Под редакцией и с предисловием
Д. РЯЗАНОВА.

Кооперативное Издательство
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

1923.

Значение Морозовской стачки.

Реакционный публицист Катков, написавший громкую статью по поводу суда над морозовскими стачечниками, назвал их процесс торжественным вступлением *рабочего вопроса* на русскую почву. Мы всегда отстаивали интересы нашей промышленности, говорил он в той же статье, но если ее существование неразрывно связано с такими вещами, то уж лучше обходиться без промышленности.

Недобрый человек был Катков, и если заслужил от кого-нибудь памятника, который собираются ставить ему на Страстном бульваре, то единственно от жандармов и чинов тайной полиции, так как всегда делал все от него зависящее, чтобы задавать им как можно больше работы, а следовательно, и возможности получать побольше наградных и праздшам. Недобрый был он человек и не добра желал он русскому народу, но все же в этом случае не того он опасался, что рабочие добьются уменьшения штрафов и вообще улучшат свое положение. Не убытки фабрикантов его лугали и не безпорядки сами по себе,—при еврейских погромах безпорядков было несравненно больше, да и на фабриках уже раньше случались и стачки, и безпорядки, оставлявшие его спокойным.

Умный, проницательный враг всякой свободы и горячий сторонник самодержавия, Катков испугался всего того, что придавало подробностям этой стачки культурный, европейский характер: знания и единства, внесенных в действия рабочих Мосенко и Волковым гласности суда, подробности которого печатались во всех газетах и главное, приговора присяжных, которые оправдали рабочих, осудив тем самым не только фабриканта и ставшего на его сторону губернатора, но даже заранее—осудили и арест оправданных Мосенко и Волкова. И Катков был прав, опасаясь открытого и безпристрастного судебного разбирательства всего касающегося до стачки. Такие разбирательства, публикуемые потом во всех газетах, могли быть вредным самодержавию и полезны рабочим во многих отношениях. Они могли бы мало-по-малу исполнить для рабочих часть того дела, которое потом, ценою стольких жертв,

совершил „союз борьбы за освобождение рабочего класса“, т. е. могли бы показать рабочим одинаковость их положения и интересов и помочь выработать, путем опыта, наилучший прием борьбы. Катков при этом всего больше опасался того, что революционеры из образованной молодежи, читая о дружных и энергичных усилиях рабочих защитить себя от притеснений фабрикантов и насильий полиции, увидят в них своих естественных союзников и соединятся с ними. Таким образом разрозненные стачки и беспорядки превратятся в „рабочий вопрос“, в постоянно растущее, объединенное рабочее движение, которое, раньше или позже, приведет к ненавистным Каткову свободным европейским порядкам. Чем гласно судить рабочих, лучше уничтожить самую промышленность, закричал он в своей газете. Об уничтожении промышленности он и сам, конечно, не думал, но гласно судить рабочих за всякие дела, касающиеся стачек, с тех пор перестали.

После освобождения крестьян наши суды были устроены по образцу европейских и в общем были хорошими, справедливыми судами. Но постепенно оказывалось, что при самодержавии справедливый, гласный, равный для всех суд годится не для всех дел и не для всех лиц, что многих нельзя судить во всеуслышание, а нужно молча справляться с ними своими административными средствами. Нельзя судить писателей и издателей за неприятные правительству статьи, а нужно без разговоров уничтожать газеты и журналы; нельзя судить социалистов, потом нельзя стало судить и рабочих, сопротивляющихся фабрикантам. В конце концов, в большинстве мест уничтожены мировые суды, которым слишком часто приходилось разбирать и решать по закону дела между господами и прислугой, между помещиками и их батраками. Теперь на местах мировых судей сидят земские начальники, для которых закон не писан. Понемногу выяснилось, для правительства, что сколько-нибудь справедливо в России можно судить только воров и обыкновенных убийц. Все остальные оказывались не преступниками, а людьми, интересы которых нарушаются существующими порядками, защищаемыми самодержавным правительством. Если этих людей судить по справедливости, то виноватым так или иначе окажется само же правительство. После суда над морозовскими стачечниками, в число людей, интересы которых противоположны интересам самодержавного правительства, были причислены и фабричные рабочие. Их перестали гласно судить и начали молча справляться с ними, как с врагами. Около того же времени запрещено также печатание отчетов фабричных инспекторов, рассказывающих о тяжелом положении рабочих, и смещены те инспектора, которые слишком заботились о раскрытии злоупотреблений фабрикантов.

Но правительство поняло, однако, что одной безсудности и безгласности все-таки мало для полного устранения „рабочего

вопроса“. К этим всегдашним своим средствам оно прибавило закон 1886 г. В „отчете Государственного Совета“ за 1886 г. прямо говорится, что следствие по делу о волнениях на некоторых фабриках Владимирской губ. и Моск. губ. раскрыло такие дурные стороны наших фабричных порядков, которые неизбежно вызывают со стороны рабочих постоянное недовольство, склонность к стачкам и беспорядкам и „восприимчивость к преступным учениям, направленным к испровержению государственного и общественного порядка“, и что для устранения всего этого в будущем, необходим закон: „регулирующий взаимные отношения между фабрикантами и рабочими“.

Все эти меры для изгнания из России „рабочего вопроса“ на вид как будто и помогли. Тем, кто не хотел слышать о тяжелом положении рабочих и об их волнениях, можно стало не слышать. Подпольным путем, правда, те, кому это было интересно, узнавали, что, то тут, то там продолжались стачки и фабричные беспорядки, распространяясь и усиливаясь с каждым годом, но гласных следствий о них не производилось, в газетах они едва упоминались, входить в подробности было запрещено.

Зажавши рот всем, кто мог бы говорить, а самому себе — уши, правительство надеялось отмолчаться от „рабочего вопроса“. А между тем, он делал громадные успехи, приготавливаясь к новому, уже окончательному водворению в русской земле. Промышленность росла все быстрее, число рабочих увеличивалось, среди них именно в последние десять лет обнаружилось огромное желание знать, понимать, учиться во что бы то ни стало. Эта жажда знания росла не только в городах, но и в деревнях, откуда пополнялись ряды рабочих. В некоторых городах, за последние 5—6 лет, шла деятельная пропаганда: среди рабочих приготавливались знающие люди, „студенты“, каким был Мосеев. До чего разросся уже „рабочий вопрос“, в то время, когда его продолжали еще замалчивать, до чего необходимы стали рабочим гласность и объединение, показывает огромный, внезапный рост рабочего движения в Петербурге за какой-нибудь один год. Осенью 1895 года основался „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, и уже имей „рабочий вопрос“ стоял перед правительством во весь рост, и в начале лета 1896 г. о русском рабочем движении заговорил весь мир.

И что же делал вначале этот „Союз борьбы“. Он записывал под диктовку рабочих всякие подробности злоупотреблений со стороны хозяев, всякие злые хитрости и обманы: насчет расценок, вычетов, браковки, растягивания без конца рабочего дня, — печатал это все в своих листках и распространял среди рабочих, приглашая их защищаться от таких фабричных порядков, которых не мог бы не признать дурными и сам Государственный Совет, как признал таковыми порядки, обнаруженные следствием

по делу о стачке 1885 г. Кроме того „Союз“ раскрывал нарушения фабричных порядков, случавшиеся даже на казенных заводах, и тоже объявлял о них в листках. Все это такие дела, которые, при другом правительстве, делались бы сами собою, посредством газет, и судов, а при существовании открытых, законных союзов невозможны были бы ни нарушения законов, ни злоупотребления со стороны фабрикантов. У нас делать это необходимое, законное дело пришлось членам тайного общества, и правительство неустанно преследовало их, моря по тюрьмам и отправляя в ссылку всех, кого заподозривало в принадлежности к „Союзу“.

В закон 1886 г. целиком вошли, как мы знаем, некоторые из требований морозовских стачечников. Можно сказать, следовательно, что Мосенко с товарищами помогали самому Государственному Совету в его законодательной деятельности и за это, как мы тоже знаем, были отправлены в ссылку. Члены „Союза борьбы“ своими листками и последовавшим объединением рабочих подготовили громадные и дружные петербургские стачки, приведшие к изданию закона, сокращающего рабочий день (закон 2-го июня 1897 г.). Они сделали великое дело, полезное для рабочих всей России. И само правительство, издавая закон, признало, что дело было действительно полезное, но из тех, кто его делал, оно арестовало всех, кого только сумела схватить полиция. Иначе и не может поступать самодержавное правительство. Тем то оно самодержавно, что издает законы (а чаще всего действует без закона) не по высказанному желанию населения, как это делается в свободных странах, а по собственному произволу. „Союз борьбы“ помог рабочему населению выяснить и высказать свои ближайшие требования, а стачки вынудили хозяев и правительство исполнить некоторые из этих требований. Правительство издало хороший закон, но тем самым нарушило свои самодержавные правила. В этом виноваты члены „Союза“, тем самодержавнее надо поступить с ними. Но это не все. Какие бы хорошие фабричные законы не издавало правительство, они не помогут, если рабочие не будут постоянно на страже. Если бы рабочие задремали, положившись на заботы правительства, хозяева придумали бы вместо одних запрещенных злоупотреблений сотни других. Нет конца краю хитростям, посредством которых можно обирать рабочих, если они не сопротивляются. А к тому же нет такого закона полезного для крестьян или рабочих, которого сильным мира сего нельзя было бы обойти в нашей самодержавной, т. е. бессудной, безгласной и бесправной стране. Уже для того одного, чтобы законы приносили пользу, рабочие должны сохранить свои союзы и свои листки. Им необходимо объединяться все шире и шире для отстаивания своей заработной платы, они сами чувствуют, наконец, что им нужно учиться, и не тому одному, что преподается в казенных школах. Для всего этого рабочим нужна верная служба пре-

данных товарищей. Все это могут хорошо исполнять только самые лучшие, самые знающие и самые смелые люди. Их верная служба товарищам необходима, но правительство будет их наказывать за нее.

—Я за всех, или все за меня—крикнул товарищам арестованный Волков.

—Все, все—отвечали товарищи и старались исполнить свое обещание: ходили к начальству, требовали, чтобы возвратили им „Ваську,—нашего человека“, но ничего не добились, и заплатился Васька за свою верную службу. Сотни „своих людей“ платятся теперь за „всех“, за то, что помогли рабочему классу добиться сокращения рабочего дня, за то, что учили его тому, что сами узнали, за всякую другую, необходимую для рабочих службу. И нет того полезного трудящемуся люду дела, за которое не пропал бы тот, кто его делает. Так будет и впредь, пока рабочий класс не делается достаточно силен, чтобы не давать в обиду своих верных товарищей, пока Россия не делается свободной страной. А пока этого нет, рабочие должны всячески оберегать товарищей, делающих необходимое для всех дело, всеми силами помогать им, не забывая их ни в тюрьмах, ни в ссылке и всегда помнить, что уже для того одного они должны объединиться, бороться, учиться, чтобы как можно скорее стать такой силой, которая властно потребует освобождения „своих людей“, „пропадающих за всех“ и уже не получит отказа, как получили его товарищи Волкова.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Прѣдисловіе редактора	
Плеханов, Г.—Морозовская стачка	1
Засулич, В.—Значение Морозовской стачки	3
Ленин, В.—Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах.	9
Матвеев.—Отец стачки—Петр Анисимович Мосеенко. . .	13
Дело о стачке и беспорядках рабочих на Никольской Мануфактуре Товарищества „Саввы Морозова, Сын и К ^о “ (Судебный отчет из „Московских Ведомостей“)	19
Передовая статья Каткова о процессе	71

2-е ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ